

К ИСТОРИИ ОТЪЕЗДА ИВАНА ХАЛИППЫ ИЗ КИШИНЕВА В БЕРДЯНСК В 1910 г. ИЗ ПЕРЕПИСКИ И. ХАЛИППЫ С МИТРОПОЛИТОМ АРСЕНИЕМ (А. СТАДНИЦКИМ)

Среди уроженцев Бессарабии, связавших свою жизнь с запорожской землей, был Иван (Ион) Николаевич Халиппа (1871–1941), в родной Молдове известный как замечательный историк, архивист, бессарабский краевед, а в Украине прежде всего как педагог и организатор системы образования – с 1910 г. инспектор народных училищ Бердянского уезда, а позже, в 1920-е годы, заведующий Бердянских педагогических курсов¹. Вниманию читателей предлагается документ из хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) обширного личного фонда митрополита Арсения (в миру А.Г. Стадницкий, 1862–1936)². Он продолжает серию документальных публикаций, раскрывающих через переписку Владыки Арсения широкие связи этого выдающегося российского церковного иерарха молдавского происхождения и историка церкви с земляками-бессарабцами³. Среди его многочисленных корреспондентов был и Иван Халиппа, старший брат Пантелеймона Халиппы (1883–1979), одного из харизматических лидеров прорумынского национального движения в Бессарабии начала XX в. и члена ряда правительств межвоенной Румынии. Публикуемое ниже письмо Стадницкому проливает свет на некоторые конкретные факты биографии Ивана Халиппы, предопределившие его отъезд в 1910 г. из Кишинева в приморский Бердянск. Кишиневский школьный инспектор И. Халиппа не только просит высокопоставленного церковного иерарха хлопотать о предоставлении ему новой должности в школьной системе Российской империи, но и излагает свою версию событий, в конце концов вынудивших его фактически навсегда покинуть родную Бессарабию.

Уроженец с. Куболта Сорокского уезда Бессарабской губернии, Иван Халиппа закончил в 1891 г. Кишиневскую духовную семинарию, где в числе его педагогов был и молодой А. Стадницкий, будущий митрополит Арсений, преподававший в семинарии с 1885 г. Высшее образование он получил в Киевской духовной академии с получением степени кандидата богословия в 1895 г. Вернувшись в родную Бессарабию, он начал государственную службу в ноябре 1896 г. в качестве помощника инспектора духовной семинарии. Дальнейшая его деятельность была связана с Бессарабской губернской ученой архивной комиссией, “правителем дел” (фактически ученым секретарем) которой он был с 1898 г. В 1904 г. он становится секретарем Бессарабского историко-археологического общества. Он координировал работу над трехтомной публикацией “Трудов Бессарабской Губернской Ученой Комиссии”, в которых наряду с архивными первоисточниками увидели свет статьи по истории, археологии, этнографии и статистике. В этом издании он опубликовал ряд собственных ценных работ по истории Бессарабии⁴. Наиболее значительная из них, “Город Кишинев времен жизни в нем А.С. Пушкина”, подготовленная и опубликованная к столетию великого русского поэта в 1899 г., была переиздана в Кишиневе уже в наши дни.

Надо сказать, что в 1910 г. Иван Халиппа уезжал из Бессарабии, найдя другое место службы, не впервые. В августе 1905 г. он (к этому времени уже видный бессарабский историк-краевед) покидает Кишинев, получив место школьного инспектора в Новомосковском уезде Екатеринославской губернии. На

¹ Обстоятельный анализ его деятельности в Бердянске в 1920-е годы предпринят на основе сохранившихся архивных документов в работе бердянских историков Игоря Лымана и Виктории Константиновой: Лыман И., Константинова В. Бессарабский историк Иван Халиппа – лектор и заведующий Бердянских педагогических курсов // *Revista de istorie a Moldovei, Chişinău*, 2015. № 4. P. 100-119.

² ГАРФ. Ф. 550. Он.1.

³ Среди публикаций см.: Колин А., Стыкалин А. Бессарабия начала XX в. глазами русских священнослужителей и церковных миссионеров (по материалам переписки митрополита Арсения) // *Славянский альманах*. М., 2016. № 1-2. С. 55-68; Колин А. Румыния 1905 г. глазами будущего бессарабского митрополита // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Ежегодник*. М., 2016. С. 120-130. О том, насколько велико было влияние Арсения в Русской Православной церкви, свидетельствует хотя бы тот факт, что на церковном соборе 1917 г. он был вторым по количеству полученных голосов на выборах Патриарха Московского и всея России.

⁴ О вкладе Иоана Халиппы в изучение истории Бессарабии см.: Poştarencu Dinu, Ioan Halippa, cercetător pasionat al istoriei Basarabiei // *Tyragedia, Serie Nouă*. Vol. IX (XXIV) nr. 2. Chişinău, 2015. P. 143-154.

этом месте он проработал два года, после чего вернулся в родной край на равнозначную должность – инспектора народных училищ Кишиневского уезда. Свой перевод в Бессарабию И. Халиппа в письме Стадническому объясняет содействием или, как он пишет, “участливым вмешательством” тогдашнего бессарабского губернатора Алексея Николаевича Харузина.

Выпускник физико-математического факультета Московского университета (1889 г.) Алексей Харузин (1864 – 1932) был не только чиновником, но и серьезным ученым – этнографом и антропологом, участником многих полевых научных экспедиций и автором большого количества научных публикаций¹. Харузин был бессарабским губернатором с ноября 1904 г. по октябрь 1908 гг., т.е. его пребывание в этой должности совпало с революцией 1905–1907 гг. и активизацией национального движения бессарабских румын (молдаван). Историкам известно о его попытках противопоставить движению, ориентированному на тесные связи с Королевством Румынией (его рупором была газета “Басарабия”), более умеренный и лоялистский проект – газету “Молдованул”². Как узнаем, однако, из переписки, И. Халиппа познакомился с будущим бессарабским губернатором еще в 1902 г., за два года до приезда Харузина в Бессарабию³. Хотя мы пока не знаем, где и при каких обстоятельствах они познакомились, можно предполагать, что сыграла свою роль общность научных интересов, в частности интерес к проблемам миграции населения из балканских владений Османской империи в пределы Российской империи в конце XVIII – начале XIX в.⁴

Из письма выясняется, что в 1905 г., уже будучи бессарабским губернатором, Харузин предлагал Халиппе должность секретаря Бессарабского Губернского Статистического Комитета, но назначение не состоялось, Халиппа предпочел этому месту должность инспектора народных училищ сначала в Екатеринославской, а затем, по возвращении в Кишинев, в Бессарабской губернии.

В 1908 г. Харузин получает новое назначение – Директора департамента духовных дел иностранных исповеданий и отбывает в Петербург. Его преемником на посту бессарабского губернатора становится граф Иван Викторович Канкрин. Первоначально, казалось бы, ничто не предвещало плохих отношений И. Халиппы с новым губернатором. Граф одобрительно высказывался о его планах реорганизации школьной жизни в Кишиневе и уезде, характеризовал его перед Губернским и Уездным Предводителями Дворянства как “отличного инспектора”, в 1909 и 1910 гг. Халиппа приглашался на пасхальные губернаторские приемы, и более того, в начале 1910 г. был награжден с согласия губернатора орденом Св. Анны 3-й степени. Довольно скоро, однако, их отношения совершенно неожиданно для Халиппы, меняются в худшую сторону. Граф начинает проявлять некоторое недоверие к инспектору народных училищ, подозрения в его политической неблагонадежности.

Граф Канкрин, видимо, с первых месяцев своего пребывания на губернаторском посту был наслышан о политической активности молодого Пантелеймона Халиппы и стал подозревать Ивана в сочувствии политическим убеждениям младшего брата. Очевидно, для таких подозрений были весомые основания, ведь, как известно из литературы⁵, И. Халиппа симпатизировал зарождавшемуся национальному движению бессарабских молдаван, поддерживал с ним связи, и об этом не могли не знать первые лица губернии. Показательно, что уже в ходе одной из первых встреч со школьным инспектором граф Канкрин полушутя предупредил его, что объявит ему войну, если тот вдруг вздумает встать во главе местного национального движения. И. Халиппа в сложившейся ситуации счел за лучшее отмежеваться от сторонников “утопических национально-сепаратистских движений”, любящих покричать на митингах, а позже, в интересах сохранения своего места школьного инспектора продолжал всячески подчеркивать свою лояльность власти. Инцидент после этого можно было считать исчерпанным, но только до тех пор, пока внимание губернатора не было привлечено к ряду программных статей Пантелеймона Халиппы о национальной школе в Бессарабии и о деятельности Бессарабского Молдавского Общества. Встретив после этого И. Халиппу на одном из деловых свиданий, граф Канкрин поставил вопрос, что называется, ребром: “сочувствуете ли вы идее молдавской школы в Бессарабии?” В этих условиях у И. Халиппы не было иного выбора кроме как прямо отмежеваться от своего младшего брата. За газетными статьями не надо было далеко ходить, И. Халиппа держал их в боковом кармане своего кителя. Вытащив их, он обратил внимание губернатора на то, что они принадлежат не его перу, а перу его младшего брата, человека вполне самостоятельного и придерживающегося иных, а именно левых убеждений. Это, однако, не помогло, поскольку в конце мая И. Халиппа в конфиденциальном порядке получил письмо за подписью самого министра Народного Просвещения А.Н. Шварца с предложением не позже 1-го августа подать Попечителю Одесского Учебного Округа прошение об отставке от службы по Министерству Народного Просвещения, “приискав себе место в другом ведомстве”. Это вызвало удивление не только И. Халиппы, но и директора народных училищ

¹ О его жизни, деятельности и вкладе в науку, а также о преследованиях, которым он подвергался в советское время, см.: Керимова М.М. Наумова О.Б. А.Н. Харузин – этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / Составитель Д.Д. Тумаркин. М., 1999; Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. М., 2011; Керимова М.М. Алексей Николаевич Харузин // Вопросы истории, 2012. № 7. С. 30-43.

² См.: Negru Gheorghe. Culisele publicării ziarului “Moldovanul”. Corespondența secretă a guvernatorului Basarabiei cu înalți demnitari ai Imperiului Rus (1906 – 1908) // Anuarul Institutului de Istoriei. Chișinău, 2012. № 2.

³ В 1902-1904 гг. А. Харузин был управляющим делами виленского генерал-губернатора.

⁴ В это время Харузин много занимался этнографией южных славян и совершил в 1899 – 1901 гг. две поездки в южнославянские земли Габсбургской монархии в целях проведения полевых исследований

⁵ Poștarencu Dinu. Ioan Halippa, cercetător pasionat al istoriei Basarabiei.

Бессарабской губернии, а также и попечителя Одесского Учебного Округа, к которому Халиппа уже на следующий день приехал в Одессу на прием. Можно было предполагать, что основанием для распоряжения министра были некоторые донесения местных бессарабских властей в Петербург. И. Халиппа добивается аудиенции у губернатора, который, по его словам, был уже в курсе намерения министра перевести его в другой учебный округ, оставив при этом служащим своего министерства. По мнению графа, Халиппе вновь повредила активность его брата, который организовал поездку в Яссы группы бессарабской молодежи, главным образом, учащихся реального училища, и выступал при этом в качестве экскурсовода, внушавшего молодежи румынофильские идеи. И. Халиппа вновь считал целесообразным дистанцироваться от своего брата, с которым он, по его словам, не поддерживает тесных отношений после того как тот, получив стипендию ясского благотворительного общества, устроился вольнослушателем в Ясский университет вопреки воле родителей и увещеванию старшего брата. В беседе с губернатором И. Халиппа в принципе дал согласие перейти на службу по тому же ведомству в другой учебный округ, если, "по каким-либо соображениям", его дальнейшее пребывание в Бессарабии "представляется нежелательным или опасным". Договорились о том, что во время своей рабочей поездки в Петербург, намеченной на начало июня, губернатор переговорит с министром, попросив его заменить отставку переводом в другой учебный округ. Но в Петербурге граф так и не посетил министра, хотя и просил знакомого чиновника навести справку по делу Халиппы. В конце концов И. Халиппа решил с согласия попечителя Одесского учебного округа сам "войти в Министерство с обстоятельной докладной запиской, изложив в ней историю всей своей 14-летней государственной службы и 12-летней научной деятельности". Наконец 31 июля было получено принципиальное согласие министерства на оставление его на службе по линии министерства народного просвещения с переводом из Одесского в другой учебный округ. В письме Стадницкому (в то время архиепископу Псковскому и Порховскому) И. Халиппа просил церковного иерарха использовать свои связи в целях получения им не только хорошей должности по линии министерства народного просвещения в одном из близлежащих к Бессарабии учебных округов, может быть должности директора учительской семинарии или любого другого среднего учебного заведения, но по возможности, такой должности, которая оставляла бы время для научной работы, которую он собирался продолжать.

Не ясно, какую роль сыграли ходатайства архиепископа, но из источников выясняется, что с 23 октября 1910 г. И. Халиппа приступил к выполнению обязанностей инспектора народных училищ в Бердянском уезде тогдашней Таврической губернии¹. С городом Бердянском на берегу Азовского моря была связана вся его последующая жизнь². Однако его дальнейшие научные планы, связанные с изучением истории Бессарабии, были реализованы лишь в незначительной степени. Увольнение И. Халиппы и его последующий отъезд из Бессарабии не могли не быть замеченными общественным мнением края. Либеральная газета "Бессарабская жизнь" выразила сожаление по поводу того, что лишился своей должности "один из лучших знатоков местной старины"³.

Случай с Иваном (Ионом) Халиппой показывает, насколько серьезные опасения вызывала в 1910 г. не только у бессарабских губернских властей, но и в Петербурге самая отдаленная причастность чиновника школьной системы к одному из национальных движений этнических меньшинств Российской империи, в данном случае национальному движению бессарабских молдаван, в это время еще весьма умеренному по своей политической программе. Известно, что И. Халиппа симпатизировал этому движению и поддерживал личные связи с некоторыми его активистами, однако едва ли его можно назвать в числе идеологов или активистов движения, сферой его первоочередных интересов оставалась не актуальная политика, а изучение истории Бессарабии. Как выясняется из документов, опубликованных Георге Негру, имя Иона Халиппы действительно фигурировало в некоторых донесениях Департамента полиции и, в частности, в донесении от 31 декабря 1909 г., как имя человека имеющего непосредственные контакты с движением бессарабских молдаван, связанным с Румынией⁴. Это означает, что для подозрений к нему со стороны властей имелись некоторые реальные основания. Вместе с тем подозрения внушала, видимо, не столько активность Иона Халиппы в национальном движении бессарабских молдаван, сколько сам факт его близкого родства с одной из ключевых фигур этого движения. С другой стороны, И. Халиппа едва ли видел себя в будущем как активного политика и дорожил своим местом чиновника в системе народного просвещения, дававшей ему возможность заниматься и научными исследованиями в области краеведения. Отсюда делается понятной его готовность до некоторой степени отмежеваться в глазах губернских властей и министерства просвещения от своего брата и от движения бессарабских румын. О том, в какой мере Иоан Халиппа поддерживал позже, живя в Бердянске, связи с братом и румынским бессарабским движением, можно было бы, вероятно, судить на основании его более поздней переписки, выявление которой и введение в научный оборот представляло бы интерес для историков.

¹ Лыман И., Константинова В. Бессарабский историк Иван Халиппа – лектор и заведующий Бердянских педагогических курсов. С. 101.

² См.: Там же.

³ Г-у Ж. К увольнению И.Н. Халиппы. Бессарабская жизнь, № 150. 3. 07. 1910, р. 3.

⁴ См.: Negru Gheorghe. Documente referitoare la problema și mișcarea națională în Basarabia (a doua jumătate a secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea) // Revista de istorie a Moldovei, 1994. № 2. P. 29-46

*Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященный Владыко,
Милостивый Архипастырь,
Отец и Благодетель!*

Тяжелые обстоятельства, обрушившиеся неожиданно-негаданно на меня, мирного кабинетного труженика, вынуждают меня обеспокоить Ваше Высокопреосвященство покорнейшей просьбой о защите. Дело в следующем.

В 1908-м году, вскоре после перевода моего из Новомосковска в Кишинев¹ – перевода, состоявшегося благодаря участливому вмешательству бывшего Бессарабского Губернатора Алексея Николаевича Харузина (ныне Директора департамента духовных дел иностранных исповеданий) – произошла смена Губернаторов: на место г. Харузина, лично знавшего меня с 1902-го года и даже предлагавшего мне в 1905-м году занять должность секретаря Бессарабского Губернского Статистического Комитета, был назначен граф Ив. Виктор. Канкрин. В одно из первых свиданий по делам Инспекции народных училищ Кишиневского уезда граф полусуто предупредил меня, что, если я вздумаю стать во главе местного национального движения, то он мне объявит войну. Я, не давая чувствовать графу, насколько меня оскорбляют...² конечно – из недоверия ко мне, мною совершенно незаслуженного, постарался разъяснить, насколько мог, что историку-архивисту и археологу чужды мечты о лаврах, срываемых разными крикунами на митингах и что никогда я не примыкал и не намерен примыкать к утопическим национально-сепаратистским движениям – тем более что по мужской линии я “россиянин”, как явствует из “формуляров” моего отца, деда и прадеда (последний – священник Стефан Халиппа – переселился из Малороссии в Бессарабию в момент присоединения последней к России). Я считал инцидент исчерпанным; но достаточно было моему брату Пантелеймону Х. напечатать в местной газете две статейки: “О национальной школе в Бессарабии” и “О деятельности Бессарабского Молдавского Общества”³, как граф – также на одном из деловых свиданий – поставил мне вопрос: “сочувствуете ли вы идее молдавской школы в Бессарабии?” Поняв намек графа на упомянутые статьи, я тут же вынул из бокового кармана мундира №№ газеты и указал графу на то, что статьи напечатаны за полную подписью моего брата, 28-летнего, вполне самостоятельного субъекта, разошедшегося со мною в убеждениях и сотрудничающего в левых органах печати. Казалось, моя...⁴ корректность покорила первоначальное предубеждение графа против меня. По крайней мере граф всегда одобрял мои предположения касательно упорядочения школьной жизни в уезде и городе Кишиневе, аттестовал меня пред Губернским и Уездным Предводителями Дворянства как “отличного инспектора”, в 1909-м и нынешнем 1910-м году я был приглашаем графом на Пасхальные разговоры, а к 1-му Января сего года я был награжден орденом Св. Анны 3-й степени – конечно, не без согласия графа как Начальника губернии. И, вдруг, накануне Вознесения Христова, я получаю конфиденциальное предложение Г. Министра Народного Просвещения⁵ не позже 1-го августа подать Попечителю Одесского Учебного Округа прошение об отставке от службы по Министерству Народного Просвещения, “приискать себе место в другом ведомстве”! Это было в сумерки. В душе еще звучали слова церковной песни “не оставь нас, сирот, Господи!” Благодарю Бога! Он поддержал меня в тот ужасный момент! Я воспылаю жгучим желанием побороть клевету, чего бы мне это не стоило! Повидавшись в тот же день с Директором народных училищ Бессарабской губернии, а через день и с Г. Попечителем Одесского Учебного Округа, я убедился, что они не менее меня озадачены неожиданным распоряжением обо мне Г. Министра, и понял, что основанием для такого распоряжения послужили какие-то донесения местных, Бессарабских властей! В первый же приемный после этого день являюсь к графу и рассказываю о постигшем меня ударе. Еще я не поставил вопроса о том, неизвестны ли графу причины моей опалы, как граф заявил: “я знаю о намерении Вашего Министра перевести Вас в другой Учебный Округ, а об отставке первый раз слышу”. Тут я ставлю вопрос: “но для чего понадобился этот перевод? Что побудило Министерство придти к такому решению?” На это граф отозвался: “полагаю, что Вам повредило неуместное выступление Вашего брата в роли руководителя по г. Яссам Кишиневских реалистов-экскурсантов”. Слыша впервые об этом факте, я мог только сказать графу, что я тут уже решительно не при чем и что брат записался в вольнослушатели Ясского Университета⁶ вопреки воле родителей и моим увещаниям; к тому же от меня он не получает ни малейшей помощи и доволен доставшейся ему стипендией какого-то благотворительного общества в Яссах; со мною брат вовсе не переписывается... В конце концов я заявил графу, что, если, по каким-либо соображениям, дальнейшее пребывание мое в Бессарабии представляется нежелательным или опасным, то я ничего не имею против перевода меня в другую губернию. На это граф ответил, что, выезжая в Петербург (31 мая), он берется переговорить с Г. Министром Народного Просвещения в видах отмены моей отставки и замены ее переводом в один из центральных Учебных Округов. При этом граф находил невозможным для себя хлопотать о переводе меня в

¹ Как следует из личного дела Иона Халиппы, заполненного 8 декабря 1923 г. в период работы в г. Бердянске и хранящегося в Государственном архиве Запорожской области Украины, с 1 августа 1905 г. он служил инспектором народных училищ Новомосковского уезда Екатеринославской губернии, а с 15 августа 1907 г., возвратившись в Кишинев, служил инспектором народных училищ Кишиневского уезда. См.: Лыман И., Константинова В. Бессарабский историк Иван Халиппа – лектор и заведующий Бердянских педагогических курсов. С. 101.

² Из-за порванной страницы не читается ряд слов, речь идет о том, насколько оскорбили И. Халиппу подозрения Канкрин.

³ Вопрос о том, о публикациях в какой газете идет речь, нуждается в дальнейшем изучении.

⁴ Следующее слово неразборчиво из-за порванной страницы.

⁵ Эту должность занимал А.Н. Шварц.

⁶ Пантелеймон Халиппа учился в Ясском университете в 1908-1912 гг.

Киевский и Харьковский Округа, а предлагал согласиться на перевод в Московский или Казанский Округ, а то – пожалуй – на Кавказ. На это я только заметил, что у меня второй год жена страдает легкими и потому на север я не могу проситься. Граф обещал сделать “все возможное” и отбыл в Петербург, где пробыл 2 недели. По приезде – являюсь к нему, горя нетерпением узнать о результате ходатайства, но узнаю, что, за болезнью Г. Министра, граф с ним не виделся, но просил знакомого чиновника навести справку по моему делу и сообщить ему – графу – в Кишинев. “Если получу – сообщу Вам”, – закончил граф. Крайне обескураженный таким результатом “ходатайства” графа, я решил войти в Министерство с обстоятельной докладной запиской, изложив в ней историю всей своей 14-летней государственной службы и 12-летней научной деятельности. На подачу таковой записки г. Попечитель Одесского Учебного Округа проявил свое полное согласие и она мной была через него подана 21-го июня. В результате 31 июля мне объявлено Г-ном Попечителем Округа, что Министерство не встречает препятствий к дальнейшей моей службе по Министерству, но при условии перехода в другой Учебный Округ. Ввиду этого мною подано 31-го же июля прошение Г. Попечителю Одесского Учебного Округа¹ возбудить пред Министерством ходатайство о переводе меня в Киевский или Харьковский Учебный Округ, так как легочная болезнь жены моей препятствует мне проситься на север.

Из изложенного, полагаю, легко понять, какую пытку я несу вот уже третий месяц, ежечасно терзаясь мыслию, что не сегодня – завтра семья моя, состоящая из 4 душ, окажется без крова и куска хлеба, а я, живший² верою в принципе, что “за Богом молитва и за Царем служба не пропадают”, стану фигурировать в роли “прожестора, искателя мест” – я, всегда высоко державший знамя “человека долга”, самоотверженного службиста! Я бы не вынес этого позора! С 31 июля эта жестокая пытка кончилась или, вернее, она заменена более слабой: я не уверен, что Министерство само меня пристроит в Киевский или Харьковский Округа! Быть может мне опять будет предложено самому хлопотать пред ГГ. Окружными Попечителями о месте, а это сведется к тому, что я не избежну перерыва в службе и таки попаду в разряд искателей мест! И ценою таких нравственных пыток я должен искупить чью-то ошибку, чье-то недоразумение! Как это невыразимо обидно – особенно в виду того, что 1-го текущего августа исполнилось пять лет моего инспекторства и я вправе был надеяться на улучшение своего служебного положения в смысле повышения или перехода на должность, предоставляющую больше досуга, чем инспекторство по народным училищам. А этот досуг мне крайне необходим: ибо у меня накопилось много материалов для 4-го тома “Трудов Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии” и для “Известий Бессарабского Церковного Историко-Археологического Общества” и я никак не удосужусь взяться за окончательную отделку намеченных к изданию научных работ, а к занятиям диссертацией (о Бессарабских монастырских имениях) я с 1908 г. совершенно не возвращался!

Излив постигшее меня горе, я обращаюсь теперь к высокому заступничеству Вашего Высокопреосвященства и, помня всегда участливое внимание Вашего Высокопреосвященства к трудам моим по изучению исторических судеб общей нам родины – Бессарабии, покорнейше прошу не отказать замолвить слово в мою пользу и в ограждение от бедствий семьи моей пред Г. Министром Народного Просвещения или Г. Товарищем Министра д.с.с. [действительным статским советником] Георгиевским. Если же почему-либо признано будет за лучшее Вашим Высокопреосвященством обратиться с ходатайством непосредственно к одному из лично знакомых Вам Окружных Попечителей, то я убедительнейше просил бы ходатайствовать о предоставлении мне должности более обеспечивающей, чем ныне занимаемая мною. Я рад был бы получить место Директора учительской семинарии или другого среднего учебного заведения, а в виду перехода к должности Директора готов занять должность инспектора гимназии или реального училища и надеюсь оправдать доверие ко мне, ибо я десять лет служил помощником Инспектора Кишиневской духовной семинарии, пансион которой достигал до 170-ти воспитанников, и деятельность моя была взыскана Монаршею Милостью. Я был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. О том, что моя деятельность по начальному народному образованию награждена на 1-е января 1910 года орденом Св. Анны 3-й степени, я уже упомянул выше. Прибавлю, что виною намеченного перевода моего из Бессарабии является исключительно мое местное происхождение, да еще не по-русски звучащая фамилия, хотя в российском Академическом Словаре слово “халипа” (галичанско-малорусское) и рязанское “халепа” занимают свое место, а, кроме того, мое исконно-русское происхождение доказано мною документально (III-й том “Трудов Бесс. Губ. Учебн. Архивной Комиссии, стр. 218 прим.).

Вашего Высокопреосвященства
преданный воспитанник и почитатель Ив. Халиппа

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 470. л. 5-8 с оборотами. Рукопись³.

¹ Письма с ходатайствами И. Халиппы попечителю Одесского учебного округа и в министерство народного просвещения нам не известны.

² Следующее слово неразборчиво из-за порванной страницы.

³ На письме имеются рукописные пометы А. Стадниченко и черновой набросок ответного письма с признанием заслуг И. Халиппы в изучении истории своего края и обещанием оказать посильную помощь в его дальнейшем трудоустройстве. Ответное письмо не сохранилось.